

Оидзуми Кокусэки: литература и жизнь

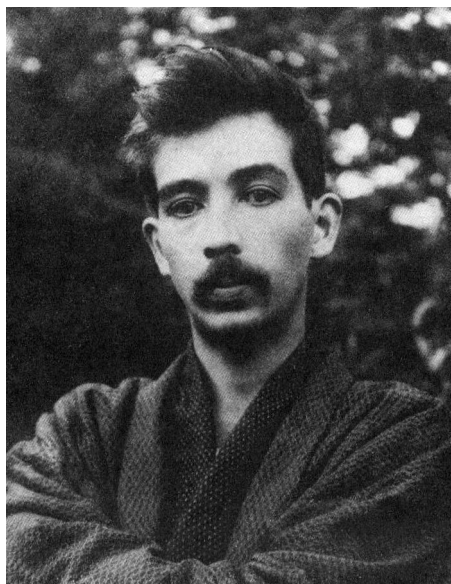
Ёмота Инухико

Ныне совершенно забытый Оидзуми Кокусэки 大泉黒石 (1893–1957) ещё сто лет назад был автором бестселлеров. Полукровка, наполовину русский, наполовину японец, он начал ходить сначала в школу в Москве, затем в лицей в Париже. Продолжил обучение в средней школе в Киото и Токио. Писал романы, автобиографии и эссе, опубликовал историю русской литературы. Преклонялся перед Лермонтовым, переводил на японский язык Горького. Писатель-интеллектуал, пересекший границы государств, преодолевший языковые барьеры, вскормленный высшими образцами европейской литературы и древнекитайской философии, должен накопить занять в истории японской литературы подобающее ему место.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: японская литература, русская литература, Оидзуми Кокусэки, Л.Н. Толстой, автобиография, мистификация.

Оидзуми Кокусэки (настоящее имя — Киёси) родился 24 октября 1893 г. (26-й год Мэйдзи) в городе Яхата префектуры Нагасаки (илл. 1). Его отец — российский дипломат Александр Степанович Вахович (илл. 2), а мать — Мотояма Кэйко. Александр Степанович, человек, помнивший еще о своих крестьянских корнях, получил юридическое образование в Санкт-Петербургском университете и приехал в Японию в свите цесаревича, будущего императора Николая II. На приеме Александр Степанович знакомится с шестнадцатилетней Кэйко. Та происходила из самурайского сословия, отец ее был начальником таможни в порту Симоносэки. Кэйко восхищалась русской литературой и изучала русский язык, имела даже русское имя — Катерина.

Близкие категорически противились браку этих двоих, но воля молодых была сильнее, и в конце концов они провели свой медовый месяц в консульстве в Ханькоу. Вернувшись в родительский дом, Кэйко родила сына, но через неделю умерла от последствий родов. Киёси матери не помнил, его отдали на попечение бабушке по материнской линии, он унаследовал ее фамилию, Оидзуми. До девяти лет прожив в Нагасаки, в 1902 г. он оказывается в Ханькоу, где при консульстве служил его отец. Однако вскоре отец умер и был похоронен на кладбище во Владивостоке.

Илл. 1. Оидзуми Кокусэки. URL: https://www.wikidata.org/wiki/Q11437198#/media/File:%C5%8Cizumi_Kokuseki_1919.jpg

Илл. 2. А.С. Вахович.
Из личного архива автора

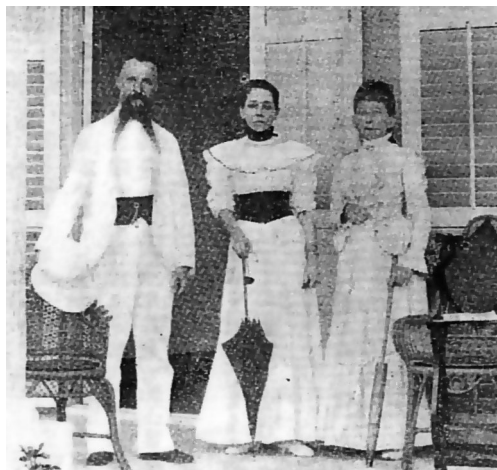
Тётя забирает Киёси в Россию, где тот поступает в начальную школу в Москве под фамилией Киёский (илл. 3). С этого момента Кокусэки начинает свой путь бродяги-космополита.

Вместе с дядей Киёси приезжает в Ясную Поляну — в родные места своего отца, и первым же стариком, которого он там встречает, оказывается Лев Толстой. «Ты похож на отца!», сказал мальчику великий писатель земли русской.

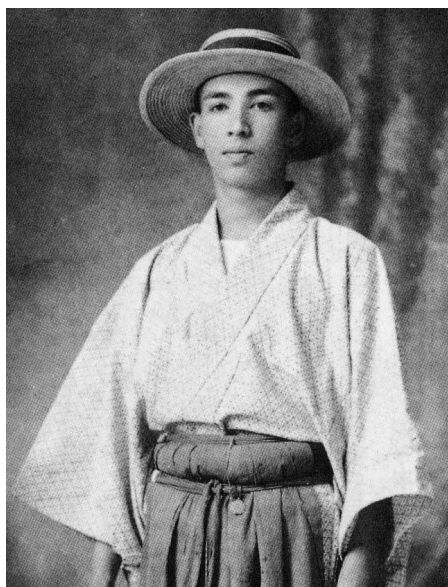
В 1904 г., с началом Русско-японской войны, мальчик-сирота переезжает в Париж и поступает в лицей, живя в общежитии Сен-Жермен-де-Пре. Однако по причинам дисциплинарного характера его исключают. Далее в жизненной траектории Кокусэки следуют: Швейцария, Италия, затем возвращение в Нагасаки, где он кое-как оканчивает среднюю школу Тиндзэй Гакуин.

В 1913 г. он снова приезжает в Россию и поступает в гимназию. На оплату обучения пошло отцовское наследство.

Когда в 1917 г. на Россию обрушилась революционная буря, Кокусэки спасается от политических потрясений, возвращается в Японию и попадает в Третью Высшую школу в Киото (илл. 4). Он женится на подруге детства по имени Фукухара Миё. По всей видимости, в это время от отцовского наследства уже мало что остается, и Киёси бросает учебу, перебирается в Токио, поступает в Первую Высшую школу, но бросает и ее. Он ютится в бедных кварталах района Цукисимы, поступает на службу помощником секретаря на верфи в Исикава-дзиме. Но Кокусэки не был бы Кокусэки, если бы на этом и успокоился. Он

Илл. 3. А.С. Вахович с сестрами.
Из личного архива автора

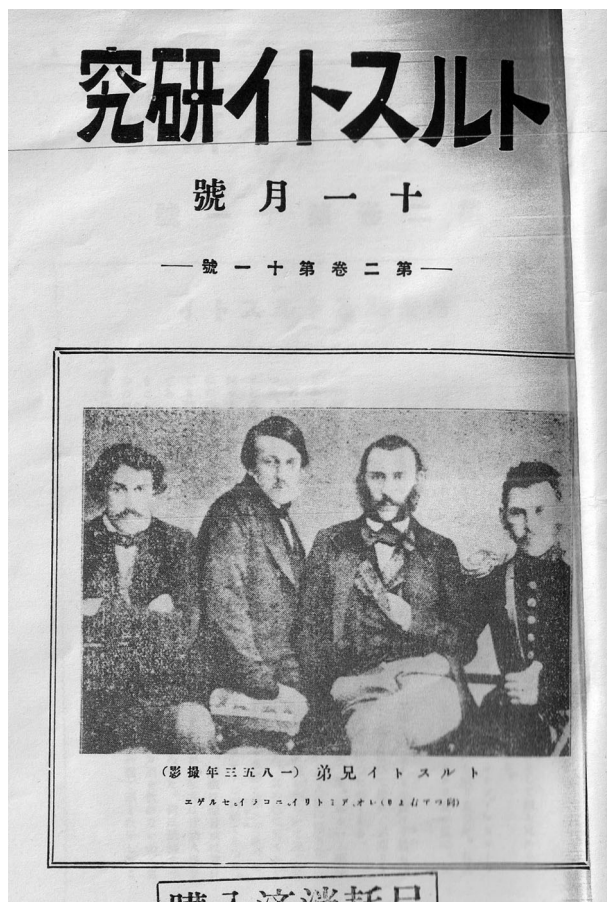

Илл. 4. Оидзуми Кокусэки в школьные годы.
Из личного архива автора

начинает вести бухгалтерию то на скотобойне, то на обувной фабрике в Асакусе, словом, пробует себя на самых разных поприщах. Биографы теряются в догадках насчет того, кем же является Кокусэки в этот период. Во всяком случае, живя в беднейших кварталах среди отбросов общества (*буракумин*), он всерьез занимается толстоведением: публикует в «Толстовских штудиях» (*トルストイ研究*) свой труд «Толстой и окрестности» (*杜翁の周囲*) (илл. 5). Во времена Тайсё (1912–1926) ежемесячно издавался такой специализированный журнал о Толстом, в деятельности которого участвовали многие видные литературные деятели того времени. Изрядно проработав в самых разных качествах «на дне» японского общества, Кокусэки в итоге выбирает стезю писателя-романиста.

Японские парии, которых в эпоху Эдо называли *эта* 穢多 или *хинин* 非人, были официально упразднены в период Мэйдзи, то есть переименованы в новый класс: *синхеймин* 新平民, «новый простой народ». Ютясь в бараках токийского района Асакуса и имея при этом специфическую физиономию, Кокусэки обращал на себя внимание этого самого нового простого народа, который при виде его весьма удивлялся. «Я новое простонародье, просто западного разлива», объяснял Кокусэки, и тогда чистокровный японский новый простолюдин встречал его с распростертыми объятьями.

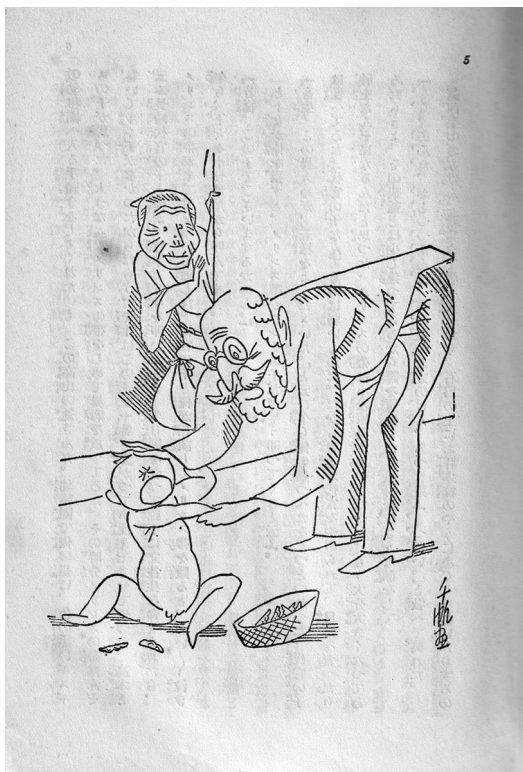
В 1918 г. Япония вводит войска в Сибирь. В это время Кокусэки направляется в Читу якобы по поручению газеты. Это уже его третий визит в Россию. На следующий год он возвращается в Японию и сразу же активно принимается освещать ситуацию в России, публикует об этом две книги.

Илл. 5. «Толстовские студии». Обложка. Из личного архива автора

В 1919 г. Такита Тёин, главный редактор журнала «Тюокорон», советует Кокусэки публиковать по частям его «Автобиографию» (俺の自叙伝). Тотчас же Кокусэки оказывается в центре внимания литературного сообщества. Журнал «Тюокорон» в те времена был воротами в мир литературы (илл. 6). Изначально вещь называлась «Автобиография того, в чьих жилах течет кровь японского самурая и русского крестьянина» (幕末武士と露国農夫の血を享けた私の自叙伝). Автору на тот момент исполнилось двадцать семь лет.

Мой отец — Александр Вахович. Он из России, поэтому прописка у меня интернациональная. По свету помотало меня хорошенько, где я только не бывал. Я не вор, не убийца, но испытать довелось всякого, ибо всякому норовил я выучиться, много чего узнать хотелось. Подите еще същите русского, чтоб так по-японски складно умел, — днем с огнем не сыщете. А уж по части нахальства про всю жизнь свою сумасбродную и баснословную поведать — тут мне и вовсе равных нет.

Илл. 6. Из иллюстраций к «Автобиографии».
Из личного архива автора

Таково начало книги, которая позже будет названа «Автобиографией». Она сразу же снискала невероятный успех. Последующие части выходили одна за другой, и Кокусэки приобрел известность в качестве популярного писателя.

Дальнейшие писательские достижения Кокусэки таковы.

1920 — опубликован сборник рассказов «Она поставила все на любовь» (恋を賭くる女).

1921 — переведена на японский и опубликована пьеса Горького «На дне» (どん底).

1922 — опубликована «История русской литературы» (露西亜文学史) (илл. 7). Кокусэки полагает, что самое главное в русской литературе — это поэзия, а значит, необходимо обратиться к устным народным поэтическим традициям Средневековья. Большинство японских литераторов ставили во главу угла русский роман, но Кокусэки хотел проследить русскую литературную традицию до ее истоков и тем самым уяснить себе

видение и понимание русскими своей литературы. В той части, где речь идет о русских писателях XIX в., особенно любопытны рассуждения о Лермонтове. Лермонтов тоже был смешанного происхождения, детство его тоже было несчастливym — все это проецировалось на судьбу самого Кокусэки.

Наряду с этим Кокусэки публикует роман «Лао-цзы», делая главным героем повествования древнекитайского философа. Эта вещь также становится бестселлером.

1923 — Кокусэки участвует в создании первого в Японии экспрессионистского фильма «Кровь и дух», сотрудничая с молодым Мидзогути Кэндзи. Фильм вышел сразу же после Великого землетрясения Канто (1923), и потому о нем мало говорили, но тем не менее эта авангардная работа, безусловно, должна остаться в истории японского кино.

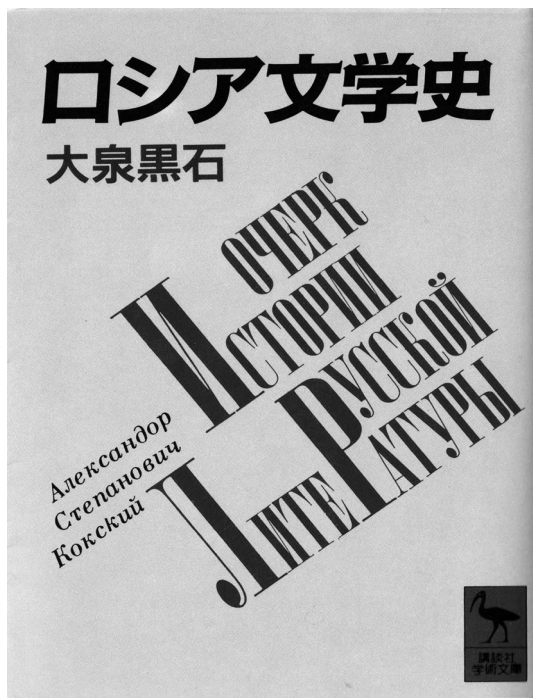
1924 — публикуется роман «Экскурсия в жизнь» (人生見物). По сравнению с «Автобиографией» разговорный тон этой вещи достигает большего напряжения, сочетая педантизм и пересмешничество в духе *аодаракэ* (阿呆陀羅經), где злоба дня соседствует с буддийскими сутрами. Протицируем начало:

Наполеон I и я — мы оба родились в год Змеи под знаком Сатурна. Если верить гаданию Такасима Донсё, мое лицо нежно, как у бодхисатвы Фугэн, но по части мужества и решимости я подобен Хатиману Таро (Минамото-но Ёсиэ) и уже к двадцати одному году я достиг непомерного успеха. Я планировал стать кем-то вроде Наполеона, почему бы нет. Однако, когда я наконец достиг наполеоновских масштабов, меня неожиданно выперли с учебы за мои сумасбродные забавы и шалости.

В том же году публикуется полномасштабный роман «Апокалипсис Вселенной» (大宇宙の黙示, позднее был переименован в «Пророчество», 預言). Главный герой — сирота, выросший в неблагополучной семье и влюбленный в девушку из касты *буракумин*. По сути, роман — это бесконечная исповедь героини. Такое мог написать только изгой японского общества вроде полукровки Кокусэки. Тут необходимо заметить, что двумя годами ранее, в 1922 г., японские парии и изгои сплотились в партию «Суйхэйся» (水平社, буквально «Общество водной глади»; можно перевести как «Общество горизонтали» в смысле «Общество, выступающее за единый уровень жизни») ради того, чтобы заявить о своем бедственном положении и потребовать освобождения от дискриминации и притеснений. В этом смысле произведение Кокусэки можно считать пионерским в современной (в смысле «новой», 近代) японской литературе.

1925 — опубликован «Сборник загадочных рассказов Кокусэки» (黒石怪奇物語集). Здесь читателю предлагается ряд очень любопытных фантастических рассказов о Китае и Японии, написанных автором, любившим Гофмана и французских романтиков.

1926 — опубликована еще одна автобиография «Прекращение человека» (人間廃業). С этого момента Кокусэки начинает подвергаться прицельной дискриминации и преследованиям. Старшие писатели, почуяв, что популярность Кокусэки идет на спад, единым фронтом ополчаются против него. Одни указывают на нестыковки в деталях автобиографии, другие уверяют, что он пользуется особым отношением главного редактора «Тюокорон», кто-то распускает слухи, что он совсем не понимает по-русски. Доходит до открытых оскорблений: Кокусэки — мифоман, да нет, он просто фальшивка! К этому

Илл. 7. «История русской литературы». Обложка. Из личного архива автора

добавляются проявления крайнего национализма, и все это вместе доводит популярного писателя до отчаяния. После смерти главного редактора журнала «Тюокорон» всякое общение со стороны литературного мира с Кокусэки прекращается.

1927 — публикуется сборник коротких рассказов «Человек в поисках собственных глаз» (眼を捜して歩く男); с этого времени у писателя начинаются финансовые затруднения.

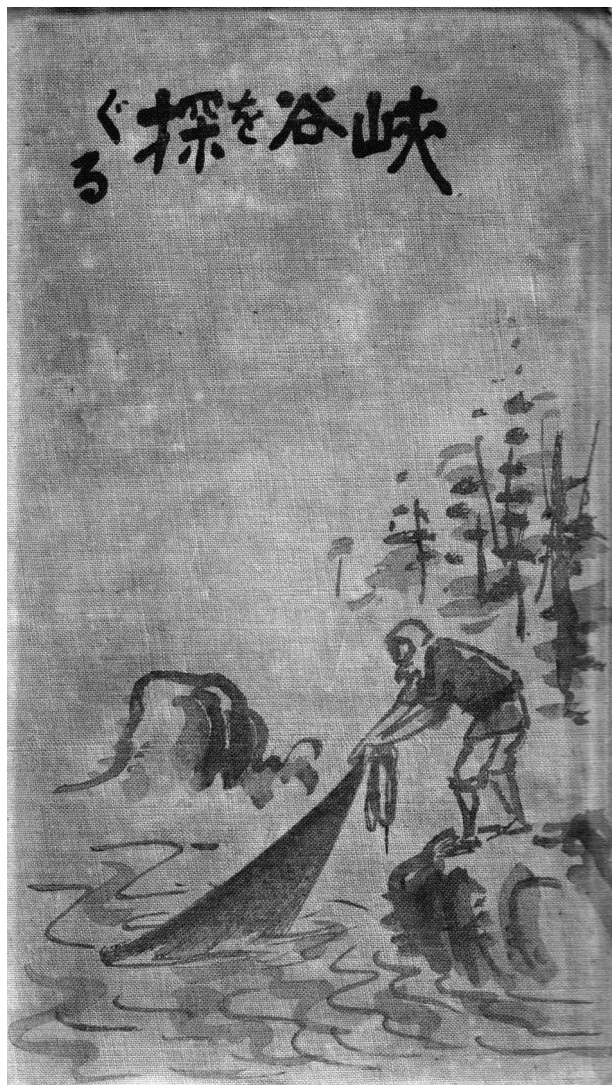
1929 — Кокусэки начинает писать очерки о горах, просторах и горячих источниках Японии. В этом году выходит книга «Осмотр гор и ущелий» (峡谷を探ぐる) (илл. 8). Беря за основу китайскую живопись Южной школы, он воспекает прекрасные горные пейзажи Японии в не менее прекрасных словах и выражениях.

В этом месте вода утрачивает свое быстрое течение, словно грубый мужлан вдруг оборачивается тихой девушкой, даже самые яростные волны теряют свою мощь и силу, и вот уже на их месте легкая рябь, и на первый взгляд может даже показаться, что передо мною горное озеро. Вода то еле заметно движется вспять с приятным журчанием, то образует стоячую пену, то течет дальше плавно и мягко. Водная масса и то ли возникающие из нее, то ли уходящие в нее горные утесы по берегам до сих пор стоят у меня перед глазами и вновь и вновь вызывают в памяти ощущение неизъяснимой туманности и расплывчатости.

Во второй половине 1930-х годов Кокусэки полностью отходит от художественной литературы и погружается исключительно в описания горячих источников и путевые дневники, навеянные путешествиями по горам. Однако с началом войны между Японией и США и это уже не работает. Он разводится с супругой, начинает жить с молодой любовницей и, несмотря на все тяготы и заботы, в 1941 г. наконец-то опять садится писать длинный роман под названием «Голландец-сан», действие которого разворачивается на Дэдзиме — поселении для иностранцев в Нагасаки во времена Эдо.

К югу от Додзы (здания Медной гильдии) — китайские кварталы, храм Гуань-ди; к западу от района Эдомати — голландское торговое представительство; вот вам весь угол обзора в сорок пять градусов, вид на отмель, морскую террасу. Под навесом из покрытых морскими желудями рангоутов в форме греческой буквы «лямбда» возвышается бронзовая модель европейского судна на постаменте из замшелого гранита: на грот-мачте — флаг со львом, на носу судна в качестве гальюнной фигуры — Эразм Роттердамский. Пожалуй, в качестве исторического образца того архитектурного налета, который завезли в Японию в качестве сувенира голландские корабли еще при самураях в 1800-х годах, еще куда ни шло. В центре — бамбуковые скамейки дугой. Чиновники и дельцы, этакие эпикурейцы, собираются здесь для послеобеденного отдыха и пьют чай, который подают им прислужницы-разносчицы.

В романе повествуется о затруднительном положении голландцев на Дэдзиме во время войны между Нидерландами и Англией. В тексте упоминают-

Илл. 8. «Осмотр гор и ущелий». Обложка. Из личного архива автора

ся Эразм Роттердамский, эпикурейство, вся книга в целом пропитана духом космополитизма. Однако Япония в те годы находилась в эпицентре фашизма, воюя на стороне Германии и Италии. Писатели, изгнанные Кокусэки из литературного мира, все без исключения поддерживали милитаризм и воспевали в своих произведениях Японию воинственную.

1942 — выходит «Нашествие белых чертей» (白鬼来), где изображены опумные войны столетней давности.

1943 — публикуется «Вкус травы» (草の味). Казалось бы, практическое пособие, в котором идет речь о том, как употреблять в пищу всякие растения и

как их перед этим правильно приготовить, но на самом деле это протяженное эссе, в котором излагается куда более общий и обстоятельный взгляд на мир.

В 1945 г. Япония терпит поражение в войне. О послевоенной жизни Кокусэки известно немного. Говорят, что он зарабатывал на жизнь переводчиком на базе ВМС США в Ёкосуке, оживив свои языковые способности, и при этом каждый день напивался до потери сознания. Умер Кокусэки в 1957 г. Боюсь, что поздние годы его жизни были погружены в самые мрачные и горькие мысли и переживания.

В 1988 г. издательство «Мидорисёбо» публикует «Полное собрание сочинений Оидзуми Кокусэки» в девяти томах. При этом большинство работ автора пока что остаются неопубликованными, а серьезные исследования его творчества еще ждут своего часа.

Иероглиф «черный» 黒 в имени Кокусэки 黒石 означает «изначальный мрак» 玄, нечто неоформленное. Излишне говорить, что это был любимый цвет Лао-цзы. Вместе с тем тут маячит и черное знамя анархизма, и намек на «нигредо» (первая стадия Великого Делания в средневековой алхимии). Черный цвет как олицетворение источника всех вещей, пребывающих до поры в равенстве и нераздельности, Кокусэки считал своим.

Разумеется, Кокусэки был последователем Лао-цзы и Чжуан-цзы. Лао-цзы — не просто главный герой его романа-бестселлера. Тут сразу целый букет ассоциаций и связей: анархизм; писательское воображение Кокусэки, чуть ли не буквально, физически стремящееся слиться с водной стихией; любовь к озерам, горным пикам и ущельям; литературный стиль на грани болтливости, полный фарсовости *кёгэн* и насмешек над «истинами» авторитарной идеологии. Любой элемент литературы Кокусэки, за что ни схватись, восходит к даосскому мирозерцанию.

Знакомство с идеями даосизма, вероятно, произошло благодаря Толстому. Нельзя забывать о «первой сцене» драмы жизни Кокусэки — о посещении им Ясной Поляны.

Кокусэки познакомился с Толстым в 1903 или 1904 г. Тогда ему было одиннадцать или двенадцать лет, Толстому, соответственно, в районе семидесяти шести. Это был крайний радикал, отрицавший как нацию, так и частную собственность, и ничто не могло его поколебать, даже отлучение от церкви. В 1893 г. при содействии японских студентов Толстой опубликовал русский перевод «*Дао дэ цзин*».

Толстовский перевод «*Дао дэ цзин*» в переводе на японский был опубликован в Японии в 1913 г. Не исключено, что вернувшись в Нагасаки и поступив в Тиндзэй гакуин, Кокусэки впервые познакомился с философией Лао-цзы. Девятнадцатилетний юноша, в комнате которого висела фотография Толстого, воспринял перевод «*Дао дэ цзин*» как собственное учение переводчика, то есть учение Толстого — старого мудреца, угадавшего отцовские черты в лице Кокусэки.

Писатель Кокусэки владел японскими умами недолго, менее десяти лет. За это время он выпустил два бестселлера. Первым стала «Автобиография», вторым — диалогия «Лао-цзы» и «Лао-цзы и его дети». Ее действие происходит в городах древнего Китая. Эпиграфом к первой части предпослан фрагмент из

«Дао дэ цзин», да и сам роман притворяется реальной иллюстрацией к философии Лао-цзы. При этом в тексте цитируется и Библия (русский перевод), и «Так говорил Заратустра» Ницше. Наиболее близкой атмосферой для этого романа мог бы послужить какой-нибудь русский провинциальный городок из XIX века. Персонажи в ключевые моменты цитируют слова Лао-цзы, и создается ощущение, будто это русские, обсуждающие «революцию» и «анархизм» и склоняющиеся к терроризму. Для Кокусэки Лао-цзы скорее русский, чем древний китаец. В романе «Лао-цзы» он намеревался решить актуальную проблему нации и революции, наложив идеи Лао-цзы на философские брожения XIX в.

Ядром сборника путевых заметок «Осмотр гор и ущелий» является ясный и бесконечный взгляд на чистую, прозрачную и неисчерпаемую воду, глубины которой преисполнены женственности. Купаясь в горном источнике, Кокусэки замечает дочь дровосека и неожиданно для самого себя в порыве искреннего простодушия окликает ее красивым именем «Душа Долины». Надо ли говорить, что это имя берется из шестой главки «Дао дэ цзин»: 谷神不死、是謂玄牝。玄牝之門、是謂天地根 («Душа Долины бессмертна, она зовется Сокровенной Самкой. Врата Сокровенной Самки — корень Земли и Неба»). Здесь прямо говорится о воде как об источнике всего в мире.

Водная стихия воображения обуяла Кокусэки еще задолго до написания книги о горах и долинах, точно это был некий промысел. В основе тихого, умиротворенного письма «Идущего впотьмах» (闇を行く人), появившегося в бытность Кокусэки журналистом в России, лежит впечатление от его юношеских прогулок по берегам двух озер, Онеги и Ладоги. Это потаенные, сокровенные места, окруженные дремучими лесами и скалистыми уступами. Образ Сокровенной Самки зародился и обрел плоть именно там и тогда. Кокусэки спрашивает сам себя, почему эти озера так важны, и отвечает: потому что это «место, где впервые родилась русская народная песня». Так обосновывается значение народных песен, народной поэзии и устной литературы, составляющих ядро его труда «История русской литературы». Стихи и рассказы народа важны до записи, потому что слова в них промыты чистой озерной водой.

Вода изменчива и непостоянна, и в этом смысле никакой ясности и прозрачности в ней нет. Она свободно меняет форму в зависимости от вместилища, уходит на любую глубину в силу обстоятельств, может обернуться самым гнилым болотом, но в ней нет ни капли сомнения. В описании китайского квартала в Нагасаки огромное значение имеют водные каналы, протекающие под землей этого экзотического города подобно капиллярам.

«Вода всем приносит благо, в этом ей нет равных. Она встречается даже в тех местах, которых люди избегают» (水善利萬物而不争。處衆人之所惡)。 Именно этот отрывок из восьмой главы «Дао дэ цзин» наиболее точно описывает то дно, где прошла первая половина жизни Кокусэки. Когда автор «Автобиографии» красит свиную кожу в бедняцкой лачуге на берегу Сумидагавы, он ближе всего находится к той истине о воде, которую проповедует Лао-цзы.

Читать и перечитывать Оидзуми Кокусэки необходимо.

Перевод А.П. Беляева